

ФЕСТИВАЛЬ ПАМЯТИ СЕРГЕЯ КУРЕХИНА

В столичном культурном центре "Дом" прошел очередной ФСК — Фестиваль Сергея Курехина. Формально ФСК — московский "филиал" петербургского фестиваля СКИФ, но если питерский смотр всего и вся — от фэшин шоу до панк-рока превращается в курехинскую "Поп-механику" (до ста коллективов и солистов в нескольких залах одновременно), то в "Дом" из всего этого многообразия приглашают, в первую очередь, артистов, представляющих такую новую музыку, которая создается непосредственно в процессе исполнения, здесь и сейчас — от нового джаза до музыкально-компьютерных экспериментов в реальном времени.

Но 10 апреля, то есть меньше чем за две недели до начала фестиваля, скоростно скончался арт-директор центра "Дом" Николай Дмитриев. Так что этот ФСК (Дмитриев расшифровывал эту аббревиатуру еще и как "Фестиваль современной культуры") фактически превратился в четырехдневное "музыкальное приношение" памяти Дмитриева, одного из самых ярких деятелей мировой альтернативной культуры. По иронии судьбы (вот только, интересно: чьей?) на этот ФСК Дмитриев пригласил музыкантов, наиболее близких по духу ему самому — тех, кто либо уже приезжал по его приглашению либо кого он давно хотел показать в столице.

Одним из первых в уже подзабытую эпоху перестройки и гласности конца 80-х к нам приезжал электрогитарист Генри Кайзер, и единственным, кто смог адекватно прокомментировать со сцены его концерт, тогда оказался Дмитриев. За прошедшие полтора десятилетия авангардист Кайзер

открыл мадагаскарский музыкальный фольклор, записал с местными музыкантами диск, который даже выдвигался на премию "Грэмми". Но это не значит, что теперь он играет поп-музыку — наоборот, в Россию Кайзер приехал с еще более радикальным артистом саксофонистом-композитором Джоном Освальдом, прославившимся такими остроумно сатирическими коллажами из уже существующей музыки, что, в частности, фирма Майкла Джексона Sony пыталась с Освальдом судиться. Но вместе Освальд и Кайзер (при участии — как и 15 лет назад — смоленского виолончелиста Влада Макарова) показали стилистически незамутненный авангардный джаз 60-70-х, без какой-либо постмодернистской пародии или якобы фольклорной "новой простоты".

Этно-авангардная тувинская вокалистка Саинхо (артистка фирмы Курехина-Дмитриева "Длинные руки") привезла в Москву легендарных афроамериканцев — контрабасиста Уильяма Паркера и ударника Хамида Дрейка. В полном соответствии с эстетикой чикагского джаз-авангарда они импровизировали негромко — так, как будто их инструменты это какие-то небольшие детские игрушки с музыкальной начинкой. А Саинхо кроме своей уникальной вокальной техники продемонстрировала незаурядные актерские способности — двигалась так, как будто бы танцевала в балетной труппе Пины Бауш. Правда, когда в конце программы все вышли на сцену, чтобы, как на джем-сешн, поимпровизировать в стиле фанк-блюза, стало ясно, что эта афроамериканская стилистика все так же от нее далека, как и пятнадцать лет назад, когда солистка ансам-

бля песни и пляски "Саяны" выбирала, что из импровизационной музыки ей ближе. И американские суперзвезды Паркер с Дрейком тактично работают на нее, а не наоборот.

С подачи Дмитриева старый друг "Дома" польский гитарист Анджей Издебский и барабанщик Михал Гось (дуэт "Sonus Akrobata") после своей программы интуитивной музыки пригласили московскую вокалистку и дипломированного композитора Татьяну Михееву, и, честно говоря, она впервые раскрылась как новоджазовая вокалистка-импровизатор. Дмитриев не ошибся: в Москве, похоже, Михеева просто не может подыскать адекватных партнеров.

Еще один старый друг Дмитриева — Дрор Файлер, израиль-тянин, живущий в Швеции — саксофонист, композитор и вообще левый артист-экстремал. После потока четко структурированного шума Дрор вдруг цитирует Дунаевского ("Широка страна моя родная") и заканчивает песней "Наш паровоз вперед лети, в коммуне остановка", что, впрочем, соответствует программному названию его коллектива "Локомотив Конкрет".

Третий день фестиваля ФСК был отдан импровизационной электроакустике — двум дуэтам из электроники и "живых" ударных. Скромный дуэт The Same Girl ("Та же девушка"; музыканты уверяют, что познакомились, когда за этой самой "той же девушкой" ухаживали) ставит перед собой интересную задачу: ударник Никлас Филд изображает высокотехнологичную электронику, а компьютерщик Жиль Обри "очеловечивает" звуки из ноутбука.

Японский "Абсолютный нуль" (ANP) — наоборот, торже-

ство новейших технологий. Если раньше Нулл ориентировался на аналоговые синтезаторы и effect-pedals, то теперь он начал доверять новейшим цифровым приспособлениям, одно из которых заменяет сразу несколько педалей, с которыми он приезжал к нам несколько лет назад. К.К. Нулл, предвзятое выступление, однако, почти плакал: он уже выступал в "Доме", "Длинные руки" выпустили его диск, еще один он записал с москвичом Алексеем Борисовым. К.К. Нулл — как и Дрор Файлер — экстремал; вся его палитра — внечеловеческий космический гул, уместающийся в спектре между белым и так называемым розовым шумом. Между двумя дуэтами выступил со-основатель движения "Флюксус" 70-летний Бен Паттерсон. Словами пересказать это еще труднее, чем музыку: если еще можно описать, как он устанавливает на сцене банку с золотой рыбкой, картинку, изображающую рыбака с удочкой, и под заикленные отрывки из "Фореллен-квинтета" Шуберта читает каталог искусственных наживок, то передать неподражаемую интонацию, с какой он это делает, практически невозможно.

Наконец, в последний день выступили наши: лидер нашей "новой мировой музыки" Сергей Старостин, фольклорист, более известный, однако, джазменам и рокерам, и "Ленинградский дуэт" (Вячеслав Гайворонский — Владимир Волков), воссоединившийся после пяти-шестилетнего перерыва. Их несуетные эзотерические импровизации, полные тончайших намеков и аллюзий (под протяжную народную песню Старостина Волков подложил "Старый замок" из "Каринок с выставки" Мусоргского, а трубач

Гайворонский процитировал в финале Вальс из диснеевской "Белоснежки" — "Когда-нибудь мой принц придет"). Дальше выступили солы барабанщик Лукас Лигети (сын композитора Дьердя Лигети, но совершенно самостоятельная и, почти не преувеличивая, конгениальная творческая личность), американский саксофонист Нед Ротенберг, второй человек (после Джона Зорна) в нью-йоркском даунтауне — эпицентре альтернативного авангарда, франко-бельгийская вокалистка Карин Жоньо с перформансом, заставившим вспомнить о вокальных психодрамах Кэти Берберян. Жоньо "распевала" тексты писем, которые получала — от детского письма дочери-первоклассницы до соболезнований по поводу смерти мужа (между прочим, известного виолончелиста Тома Кора).

Кульминацией фестиваля стало совместное выступление всех участников последнего концерта ФСК. Сначала Ротенберг сыграл на японской бамбуковой флейте традиционную буддистскую музыку, исполняемую во время обрядов "Бардо" (известных по тибетской Книге мертвых), а потом последовала коллективная импровизация — сыгранная с таким единодушием людьми, которые до этого все вместе никогда не встречались, что, казалось, будто это давно и хорошо известная всем им композиция. Как сказал Ротенберг: "Я предвижу, что теперь все будут думать о том, что будет с центром "Дом" дальше. Но лучше всего было бы, если бы все оставалось так, как было при Kolya". В смысле — при Николае Дмитриеве.

Дмитрий Ухов

Курехин Сергей
(друзья Курехина)
(15.2.8) 1999
(see me - after)